

УДК 316.4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: К ВОПРОСУ О ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ

Н. Л. МЫСЛИВЕЦ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представляются отдельные теоретико-методологические аспекты, связанные с социологическим исследованием феномена исторической памяти. Описывается опыт изучения памяти как социокультурного феномена в истории социально-философской и общественно-политической мысли. Историческая память рассматривается как объект междисциплинарного исследования и особый механизм, обеспечивающий непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению и консолидацию общества. Указываются основные научные подходы к изучению исторической памяти. Обосновываются причины актуализации этой темы. Обозначается ряд задач и направлений, наметившихся в последние годы в области социологического изучения исторической памяти.

Ключевые слова: прошлое; история; память; историческая память; социология; методология и методы исследования.

Образец цитирования:

Мысливец НЛ. Историческая память: к вопросу о ее методологическом статусе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:9–20.
EDN: TNLYJB

For citation:

Myslivets NL. Historical memory: discussion about its methodological status. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:9–20. Russian.
EDN: TNLYJB

Автор:

Николай Леонтьевич Мысливец – кандидат социологических наук, доцент; директор.

Author:

Nikolay L. Myslivets, PhD (sociology), docent; director.
n.myslivets@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9989-3501>

HISTORICAL MEMORY: DISCUSSION ABOUT ITS METHODOLOGICAL STATUS

N. L. MYSLIVETS^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Some theoretical and methodological aspects related to the sociological study of the phenomenon of historical memory are presented. The experience of studying memory as a socio-cultural phenomenon in the history of socio-philosophical and socio-political thought is described. Historical memory is considered as an object of interdisciplinary research and acts as a mechanism that ensures the continuity of the development of society, the transfer of cultural achievements from generation to generation, the consolidation of society as a whole. The reasons for the actualisation of the study of historical memory and the main scientific approaches to its study are substantiated. A number of topical tasks and research directions that have emerged in recent years in the field of sociological study of historical memory are indicated.

Keywords: the past; history; memory; historical memory; sociology; methodology and research methods.

Введение

Стремление понять настоящее путем тщательного изучения исторического опыта и сблечь память о себе для новых поколений – важная сущностная особенность человеческого бытия. На протяжении всей истории люди сохраняют память о прошлом в форме устных преданий и мифов, легенд и летописных хроник, художественных произведений и научных публикаций, писем и дневников, памятников архитектуры и предметов декоративно-прикладного искусства, повседневных практик и передаваемых от поколения к поколению духовно-нравственных ценностей. Изобретение фотографии и документального кинематографа позволило сделать факты действительности достоянием широкой общественности. В настоящее время память о прошлом находит отражение на страницах многочисленных интернет-порталов и социальных сетей, вследствие чего особым и практически значимым направлением социологических исследований выступает изучение преимуществ и недостатков, а также особенностей и последствий формирования и сохранения исторической памяти в онлайн-режиме.

Память о прошлом – неотъемлемая часть жизни каждого человека, она в значительной степени определяет его мышление, поведение и деятельность

в настоящем и будущем. Актуальность сохранения и изучения исторической памяти существенно возрастает в условиях кардинальных изменений, которые переживает современное общество. Несмотря на множество подходов к интерпретации памяти, она и в настоящее время продолжает оставаться одним из наиболее сложных и загадочных феноменов человеческого бытия.

С термином «память» неразрывно связан термин «историческая память». За последние несколько десятилетий данный концепт приобрел значительную популярность в социально-гуманитарном дискурсе. К его изучению обращаются историки, антропологи, философы, психологи, культурологи и социологи, накоплен серьезный опыт его теоретико-методологического осмысления и конкретно-исторических реконструкций. Существует большое количество работ, посвященных эмпирическому изучению исторической памяти, ее источников и механизмов, образов прошлого и особенностей их межпоколенческой трансляции, коммеморативных практик и практик забвения. В статье предпринята попытка представить некоторые наиболее перспективные направления дальнейшего исследования феномена.

История памяти как объект исследований

Проблема памяти привлекала пристальное внимание мыслителей на протяжении всей истории человечества. Наиболее ранние представления о том, что такое память, появились в Древней Греции. Философские основы ее изучения были заложены Платоном и Аристотелем [1; 2]. Интерес мыслителей древности вызвала индивидуальная память, однако предпринимавшиеся в то время попытки описать ее механизмы и особенности были еще достаточно далеки от научного анализа в его современном по-

нимании. Для Платона память – это «восковая дощечка» в душе. В диалоге «Теэтет», посвященном природе знания, философ рассуждает о сущности памяти следующим образом: «...вообрази, что в наших душах есть восковая дощечка... <...> Это дар матери Муз, Мнемосины, и, подкладывая его под наши ощущения и мысли, мы делаем в нем отпечаток того, что хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного, как бы оставляя на нем отпечатки перстней. И то, что застывает

в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем» [1, с. 251].

Аристотель продолжил заложенную своим учителем традицию рассмотрения памяти. В трактате «О памяти и припоминании» он размышляет над вопросами о том, что представляют собой память и припоминание, как память связана со временем, почему люди запоминают по-разному и др. Сущность памяти античный философ определяет следующим образом: «...на вопрос о том, что такое память и ее деятельность (τῆ μνημονεύειν), дан ответ, что это обладание образом (φαντάσματος ἕξις) как изображением того, образом чего он является» [2, с. 144].

Плотин предлагает собственное понимание памяти и опровергает утверждение Платона о том, что она подобна восковой дощечке [3]. Плотин говорит о том, что, «воспринимая ощущение чего-либо посредством зрения, мы видим и нечто предстает нашему взгляду только тогда, когда видимое находится на каком-то расстоянии, поскольку именно тогда, разумеется, и возникает восприятие, и душа смотрит наружу, и поскольку в ней не появился и не появляется никакого оттиска, и она не принимает никакого отпечатка, как это бывает в случае отпечатка перстня на воске» [3, с. 170].

Тема памяти и припоминания выступает в качестве одной из важнейших тем античной философии прежде всего в связи с обращением к проблеме генезиса человеческого познания. В целом же как для эпохи Античности, так и для эпохи Средневековья были характерны стихийные представления о человеческой памяти, а сама память рассматривалась лишь как условие познания.

В Новое время память начинает изучаться в качестве формы определенного знания. Предметом исследовательского интереса выступают сам познающий, пределы его идентичности, границы с внешним миром и объем возможного познания. Английский философ Ф. Бэкон обосновал связь памяти и исторической науки, которая обеспечивается посредством времени: память рассматривалась им как «библиотека», «склад» впечатлений, полученных человеком в течение жизни [4]. В таком русле память представлена в работах Р. Декарта, Дж. Локка, Г. В. Лейбница, К. Гельвеция, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма и др.

Немецкий философ Г. В. Ф. Гегель рассматривал память как трансцендентно-имманентный феномен, суть которого заключается в диалектическом единстве памяти индивида и отчужденной от него памяти объективного духа [5]. У Ф. Ницше человеческая память тесно связана с историческим и социальным бытием человека [6].

В философии А. Бергсона память выступает уже в качестве самостоятельного предмета философско-

го исследования [7]. Онтология памяти этого мыслителя тесно связана с проблемой времени, но практически не затрагивает социального бытия, оставаясь в рамках жизни субъекта.

В начале XX в. проблема памяти была перенесена из традиционного философско-психологического дискурса в сферу социально-культурных явлений, что стало возможным благодаря работам М. Хальбвакса [8], А. Варбургга [9], Ф. Бартлетта [10], а несколько позже и немецкого историка-египтолога Я. Ассмана [11]. Рассмотрение памяти как социокультурного конструкта позволило существенно расширить научные представления о детерминантах, механизмах и особенностях генезиса индивидуальной памяти, анализировать культуру как сообщество памяти, исследовать контрпамять и постпамять.

Интерес к теме исторической памяти как к составной части идеологии значительно вырос после Второй мировой войны, что было обусловлено развернувшимися в то время дискуссиями об ответственности за преступления гитлеровского режима. В поисках решения один из ведущих представителей франкфуртской школы Т. Адорно обратился к концепции исторической памяти, к корням антисемитизма [12]. Исследование проблемы исторической памяти Т. Адорно начал с переосмысления работы Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» и сделал вывод о том, что прошлое будет проработано лишь тогда, когда удастся преодолеть причины прошедших событий.

С начала 1980-х гг., по образному выражению французского историка П. Нора, наступила эпоха «мемориального бума» [13]. Память оказалась в фокусе пристального внимания не только широкого круга ученых, политиков, журналистов, но и рядовых граждан. Начало новой волне исследований было положено предисловием П. Нора к антологии «Места памяти», в котором ученый противопоставил память и историю как принципиально разные способы обращения с прошлым [13], а также работой американского историка Й. Х. Ерушалми «Захор. Еврейская память и еврейская история» [14]. Идея противопоставления двух способов обращения с прошлым получила развитие в работе немецкого историка Я. Ассмана «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [11].

Рост интереса к исследованию памяти на рубеже 1980–90-х гг. был обусловлен как ситуацией внутри академического сообщества, так и комплексом социальных причин, возникших вследствие кардинальных изменений общественно-политического, социально-культурного характера и необходимости дать ответы на вызовы современности. Также существенное влияние на «мемориальный бум» оказало и широкое распространение электронных средств фиксации и хранения информации – появление

так называемой цифровой памяти. О «революции памяти» конца 1950-х гг. писал, в частности, французский историк Ж. Ле Гофф в работе «История и память» [15].

В настоящее время проблема памяти является достаточно разработанной темой как в естественных, так и в гуманитарных науках, количество понятий, связанных с памятью, исчисляется сотнями. Существует и множество классификаций памяти¹. Так, канадский психолог и нейрофизиолог Э. Тулвинг еще в 2007 г. составил список из 256 ее типов [16]. Однако при всем многообразии подходов к данному феномену необходимо указать и на то общее, что их объединяет: память есть способ конструирования людьми своего прошлого.

Память – явление многообразное. Это одновременно и психический процесс, благодаря которому человек способен сохранять прошлый опыт, и специфическая деятельность, направленная на запоминание и воспроизведение информации о прошлом, и результаты такой деятельности. В рамках психологического дискурса память рассматривается как высшая психическая функция, когнитивный процесс, обеспечивающий человеку возможность познавать окружающий мир, адаптироваться к нему,

конструировать собственную идентичность, а также сохранять и транслировать личные и коллективные знания, социальные представления и опыт [17, с. 61]. Психологический уровень изучения механизмов памяти является самым ранним, он включает в себя наибольшее количество теорий памяти. Вместе с тем человеческая память является социально-культурной, тем самым она отличается от естественно-природной памяти животных. По словам Д. С. Лихачёва, «история культуры – это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования» [18, с. 68–74]. В социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г. В. Осипова память определяется как процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в среду сознания. Память связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим, является важнейшей познавательной функцией, лежащей в основе развития и обучения человека².

Несмотря на институционализацию как самого исследовательского поля проблем памяти, так и ее понятийного аппарата, открытым остается вопрос о научных дефинициях, другими словами, вопрос о том, о какой именно памяти идет речь.

Историческая память: о какой именно памяти идет речь

Обращение современного исследователя к феномену исторической памяти приводит к ряду теоретико-методологических трудностей, основной среди которых является неоднозначность трактовки самого понятия «историческая память». Предметом научного изучения является коммуникативная память, охватывающая воспоминания трех-четырёх живущих ныне поколений, культурная память, соединяющая современность с давним прошлым, «мягкая» память, являющаяся личной, субъективной, запечатленной в дневниках и воспоминаниях, «жесткая» память, закреплённая в форме разнообразных мест памяти, музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов, обыденная память, включающая представления о прошлом, и иные разнообразные практики историописания. Все названные и многие другие понятия объединяет осознание того факта, что в процессе деятельности коллектива или общества складывается особый, внешний по отношению к памяти отдельного индивида механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве. Внешняя память обладает свойствами и качествами, несводимыми к простой сумме качеств памяти индивидов, а также средств, используемых ими для запоминания и воспроизведения прошлого опыта.

Следствием вариативности понятийного аппарата является плюралистичность мнений, отраженных как в научных работах, так и в публицистической литературе и материалах средств массовой информации. Однако, несмотря на различные смыслы, которые вкладываются в одни и те же термины, очевидно прямая зависимость исторической памяти от социальных потребностей современности и ее инструментальный характер, который отчетливо обнаруживается в процессе интерпретации исторической судьбы и перспектив того или иного социума.

Начало социологического исследования исторической памяти связано с именем французского социолога Э. Дюркгейма, по мнению которого вся социально значимая информация кодируется ритуалом в виде фиксированных жестов, поз, движений и передается в ходе основанного на подражании обучения [19]. В традиционном обществе главным хранилищем памяти о социально значимом прошлом и средством его трансляции являются религиозные ритуалы. В модернизированном обществе коллективное сознание, базирующееся на «органическом» разделении труда, ослабевает, снижаются его масштабность и интенсивность, традиционные верования и религиозные ритуалы утрачивают свою

¹Энциклопедический психологический словарь-справочник: 1000 понятий, определений, терминов : учеб.-метод. пособие для вузов / сост. Р. А. Александрова и др. Минск : Харвест, 2021. 863 с.

²Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г. В. Осипов; ред.-сост.: З. Т. Голенкова, Л. П. Костомахина, А. Кречмар [и др.]. М. : ИНФРА М – НОРМА, 2000. С. 231.

основополагающую роль в хранении, трансляции и периодическом оживлении исторической памяти, все большее влияние приобретают универсальные общечеловеческие наднациональные ценности, распространяются культ индивидуализма, фрагментация социальных связей, плюрализация нравственных норм.

Опираясь на идеи Э. Дюркгейма и А. Бергсона, французский социолог М. Хальбвакс перенес рассмотрение памяти в окружающий субъекта социальный контекст, введя в научный оборот понятие коллективной памяти как социального конструкта. Именно коллективы и группы, задавая и воспроизводя образцы толкования событий, выполняют функцию поддержания конституирующей их коллективной памяти [8, с. 22]. Согласно взглядам М. Хальбвакса память образует основу социального порядка: ни одно общество не могло бы жить без коллективного фонда воспоминаний, ибо религия, семья, профессиональные организации и социальные институты удерживаются вместе ничем иным, как коллективными воспоминаниями.

С именем немецкого египтолога Я. Ассмана связаны разработка и утверждение концепции культурной памяти. В 1992 г. ученый публикует свои размышления о связи культуры и воспоминаний – теорию культурной памяти, разработанную на материале древних культур (египетской, еврейской, греческой), а в 1999 г. формулирует задачи ее изучения в рамках научного направления, обозначенного как «история памяти» [11]. Я. Ассман проводит принципиальное различие между коммуникативной и культурной памятью. Коммуникативная память мало формализована, она представляет собой устную традицию, возникающую в контексте межличностных взаимодействий в повседневности, и существует на протяжении жизни трех-четырех поколений. Культурная память понимается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, и выражается в различных мемориальных знаках: в памятных местах, датах, церемониях, письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое.

Советские психологи Л. С. Выготский и А. Р. Лурия занимались разработкой социальной концепции памяти. В работе «Этюды по истории поведения» они писали: «Мы нарочно остановились подробнее на функции памяти, потому что она дает нам возможность на конкретном примере иллюстрировать взаимоотношение естественных, заложенных от природы, и культурных, приобретенных в процессе социального опыта, форм деятельности психики.

<...> И если бы мы теперь хотели рассмотреть память взрослого культурного человека, то должны были брать ее не такой, какой создала ее природа, а такой, какой ее создала культура» [20 с. 116].

Роль социальной среды как центрального фактора развития человека подчеркивал А. Н. Леонтьев: «...мы видели, что память современного человека вовсе не представляет собой элементарного, чисто биологического свойства, но является чрезвычайно сложным продуктом длительного исторического развития. <...> В результате своеобразного процесса их “вращивания” прежде внешние стимулы-средства оказываются способными превращаться в средства внутренние, наличие которых и представляет специфическую черту так называемой логической памяти» [21, с. 436].

В современной научной литературе понятие «историческая память» встречается в разных значениях. Так, Л. П. Репина рассматривает ее и как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта, и как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Ученый отмечает, что эта постоянно обновляемая структура – идеальная реальность, она является столь же подлинной и значимой, сколь и событийная [22, с. 10]. Ж. Т. Тощенко трактует историческую память как «определённым образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [23]. По мнению В. Э. Бойкова, именно историческая память обеспечивает осознание людьми того, что они представляют собой не толпу, а социальную общность, народ с конкретной культурой, языком и ментальными качествами. С этой точки зрения историческая память «образует ядро этнической, культурной и гражданской самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию индивидуального и массового поведения» [24, с. 47].

В. В. Кулиш характеризует историческую память «как системообразующий, коллективно выраженный элемент общественного и индивидуального сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения и воспроизводства культуры, обеспечивающий актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и задающий направление инноваций во всех сферах жизнедеятельности отдельного человека и всего общества» [25, с. 14]. А. О. Столяров интерпретирует историческую память как совокупность представлений о прошлом, сформированных на базе исторического опыта субъекта с учетом его идентичности, интересов и системы ценностей. Память выступает своеобразным преломлением прошлого³. Важнейшее предназначение

³Столяров А. О. Влияние исторической памяти на польско-российские отношения: 1989–2009 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. СПб. : СПбГУ, 2015. С. 3.

исторической памяти заключается в том, что она «составляет одну из основ осознания человеком своего “Я” в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего “Мы” в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации» [26, с. 85].

Проблема изучения исторической памяти нашла широкое отражение в современной белорусской науке. Значительное внимание данной теме уделяют белорусские историки, философы, социологи А. А. Коваленя, И. А. Марзалюк, В. В. Данилович, И. А. Валаханович, И. И. Калачёва, А. И. Корсак, А. Н. Данилов, О. А. Матусевич, А. Л. Ластовский, О. М. Ростовская, Н. М. Бровчук и др.

Белорусский социолог И. В. Лашук определяет историческую память как один из видов коллективной памяти, представляющий собой такой феномен общественного сознания, который обеспечивает трансляцию культурного наследия, его интерпретацию в современных социокультурных реалиях и регулируемые социокультурные практики [27, с. 21]. Историческая память – это представления о прошлом, которые подтверждают наследственную идентичность членов общества и символически обозначают их единство во времени и пространстве благодаря созданию общей истории.

И. В. Котляров трактует историческую память как важнейший фактор цивилизационного кода. В ее основе лежат социальный опыт, воспоминания и временные процессы. Историческая память сохраняет для общества глубинные, жизненно важные смыслы, идеалы, образы, ценностные ориентации, традиции и стереотипы, фиксируется в комплексе символов и значений, передающихся от одного по-

коления к другому через фольклорные традиции, обряды, верования, государственную символику, литературные произведения и т. д. [28, с. 369].

О. М. Ростовская определяет историческую память как индивидуально и социально обусловленный феномен, проявленный в виде индивидуальной памяти и коллективной памяти. По словам исследователя, коллективная историческая память определяется на основе индивидуальной исторической памяти и отличается спецификой коллективного исторического субъекта, объектов или мест памяти, которые выступают точкой идентификации для конкретной социальной общности. Формы коллективной исторической памяти О. М. Ростовская выделяет по объекту и субъекту (семейная, родовая, сельская, городская и национальная память), а также по способу трансляции прошлого (коммуникативная и культурная память). Анализ форм памяти акцентирует их особую значимость и взаимосвязь в процессе формирования социокультурной и национальной идентичности [29].

На взгляд автора статьи, удачным, но при этом промежуточным завершением вопроса о сущности исторической памяти может служить дефиниция, представленная академиком НАН Беларуси Е. М. Бабосовым, который характеризует историческую память как сложно структурированную систему передаваемых из поколения в поколение исторических фактов и тенденций, которые субъективно преломляются в мироощущениях и рефлексиях индивидов и социальных общностей в вопросах прошлого, касающихся достижений народа, национального угнетения, социальной несправедливости и борьбы за национальное и социальное освобождение [30, с. 13–14].

Научно-теоретические подходы к изучению исторической памяти

Историческая память выступает объектом изучения в рамках нескольких исследовательских подходов: структурно-функционального, феноменологического, культурно-семиотического, структуралистского, постструктуралистского, социально-исторического, социально-психологического, генерационного, социально-сциентистского, культурно-антропологического, информационного, конструктивистского.

Структурно-функциональный подход (М. Хальбвакс, М. Мосс) является одним из основополагающих научных подходов к изучению исторической памяти. Его представители сосредоточивают внимание на памяти отдельных социальных групп, на выявлении специфики массовых представлений о прошлом, а также на изучении социальной роли памяти как объединяющего фактора внутригрупповых отношений и на ее способности выполнять дезинтегрирующую функцию [8].

В рамках феноменологического направления (Э. Гуссерль, А. Шюц) историческая память рассмат-

ривается как свойство человеческого сознания с присущими ему субъективностью, рефлексивностью и способностью определять и обосновывать значимость актов познания и сознания [31]. Функционирование памяти есть рефлексивный процесс анализа прошлого и его ценностно-смысловой оценки в настоящем. Предметом исследования выступает опыт индивидов и малых групп, а также проявление исторической памяти в повседневной жизни. Такой подход позволяет рассмотреть механизм преобразования индивидуальных воспоминаний в коллективные, объяснить процесс формирования интерпретаций прошлого и настоящего.

Культурно-семиотический подход (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев) [20] обеспечивает возможность анализа культурного контекста человеческого бытия. Историческая память рассматривается как символический и знаковый конструкт, порождающий различные социальные смыслы и позволяющий человеку осуществлять верификацию

представлений о прошлом и конструировать их на подсознательном уровне. Социокультурные исследования Ф. Бартлетта, А. Варбурга, М. Блоха, П. Нора дают возможность раскрыть социальный характер индивидуальных процессов памяти и проанализировать механизмы сохранения памяти в группах.

С точки зрения структуралистского подхода (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт) память о прошлом рассматривается как огромный многослойный текст, записанный разнообразными шрифтами и алфавитами и представленный практически во всех сферах человеческой деятельности: в искусстве, ритуалах, традициях, мифах, обширных символических системах, фольклоре, повседневности [32]. Весьма перспективным является использование данного подхода к изучению эволюции исторической памяти населения постсоветских государств.

Представители постструктурализма (например, П. Нора) исследуют память в контексте трансформации общества, рассматривая ее в качестве движущей силы, которая гарантирует преемственность поколений. Задача настоящего – помнить прошлое, чтобы передать это знание своим потомкам. На фоне ускорения и демократизации истории, о которых писал французский историк П. Нора, будущее теряет определенность и предсказуемость, а прошлое забывается [13]. Для реконструкции прошлого все более активно используются различные материальные носители: документы, архивы, памятники. Эмансипация народов и этносов, волны деколонизаций приводят к возникновению разнообразных форм памяти меньшинств, которые обеспечивают их идентичность и самобытность. В связи с этим важное значение и особый исследовательский интерес приобретает понятие коллективной памяти.

Весьма продуктивным в изучении памяти о прошлом является разработанный в рамках структурализма и постструктурализма дискурс-анализ, предполагающий критический подход к формированию массовых исторических знаний с учетом исторической и культурной обусловленности способов понимания и репрезентации прошлого [33]. Такой подход позволяет проследить взаимосвязь исторической памяти, социальных процессов и социального поведения.

В работах П. Жане, В. Вундта, У. Джеймса, З. Фрейда, Э. Фромма и других авторов представлен социально-психологический подход к изучению исторической памяти. В этом контексте память рассматривается как элемент социальной жизни человека и исследуется в рамках социальной психологии.

Х. Шуманом и Ж. Скоттом сформулирован генерационный подход к изучению исторической памяти. Ученые рассматривают память о прошлом с точки зрения эволюции ее содержания и возможностей сохранения [34]. В рамках данного подхода поколе-

ние выступает фактором, с помощью которого возможно предсказывать будущее поведение больших масс людей. Х. Шуман и Ж. Скотт пишут, что «...если выборка составлена из специфических генерационных групп, то можно доказать, что они отличаются некоторым единством мыслей и поступков. Однако, когда когорта представлена широкой популяцией, невозможно доказать, что прошлый жизненный опыт оказывает какое-либо влияние на политические установки или действия людей» [34, с. 47–48]. Ограничением такого подхода выступает широта охвата объекта исследования: чем более масштабен объем когорты, тем сложнее доказать влияние прошлого опыта на поступки людей.

Британский историк Дж. Тош разработал подход, который Л. П. Репина определила как социально-сциентистский [35]. Исходная посылка Дж. Тоша состоит в следующем: «... мало просто обращаться к прошлому; нужна убежденность в необходимости достоверного представления о нем. История как наука стремится поддержать максимально широкое определение памяти и придать ему максимальную точность, чтобы наши знания о прошлом не ограничивались тем, что является актуальным в данный момент. Ее целью является создание запаса знаний, открытых для любого использования, а не набора зеркальных отражений настоящего» [36].

Культурно-антропологический подход к изучению прошлого предложил немецкий историк Й. Рюзен [37]. В данном случае, в отличие от социально-сциентистского подхода, историографическое исследование выводится за рамки привычных представлений о прошлом, формируемых профессиональными историками. Историческая память трактуется как основа самоопределения личности в мире культуры, идентичности личности и общества. Когда в новых исторических условиях для самоопределения личности недостаточно ресурсов исторической памяти, происходит кризис последней, что вызывает необходимость искать новые способы осмысления и презентации прошлого.

Информационное направление исследований (К. Поппер, В. Г. Афанасьев, Я. К. Ребане, В. А. Колыватов, Б. С. Илизаров, В. Б. Устьянцев) основывается на представлении о неразрывной связи функционирования памяти, процессов познания, получения и накопления информации и динамики социальных систем [38]. Предметом изучения являются механизмы передачи социальной информации в зависимости от социокультурного контекста и ее роль в развитии социальной системы. Теоретические основания информационного подхода важны для объяснения взаимовлияния социальной памяти и исторической науки, а также для инструментального использования истории и кризиса исторического знания, связанного с «мемориальным бумом», или «торжеством памяти». Б. С. Илизаров отмечает, что

революция конца XX – начала XXI в. в области информационных технологий и войны великих держав за контроль над ними чреват непредсказуемыми мировыми потрясениями. Новым полем битвы становится социальная память человечества. Если раньше главным аргументом была сила оружия, то теперь на первый план выходит борьба за общественное сознание, т. е. за трактовку и коллективное понимание образов прошлого [39, с. 68]. Современная информационная традиция базируется на исследовании СМИ и выявлении их роли в формировании надындивидуальных убеждений и ценностей и предполагает анализ носителей памяти, взаимосвязи памяти и медиа. В рамках данной традиции используются такие методы сбора данных, как контент-анализ и кейс-стади.

Представители конструктивистского направления (П. Бергер, Т. Лукман) исследовали механизмы, с помощью которых индивид получает доступ к социальной памяти [40]. Для этого они ввели понятие социализации как процесса, в ходе которого индивид приобщается к воспоминаниям социальной группы. При этом под первичной социализацией имеется в виду та, которая происходит в детском возрасте и представляет собой включение индивида в социальную реальность посредством овладения им базовым запасом знаний. Вторичная же социализация не имеет конкретных рамок и активизируется тогда, когда индивид оказывается в новых социальных условиях и получает доступ к новым воспоминаниям [40, с. 111–112]. Роль социальной

памяти в процессе социализации состоит в обеспечении идентификации индивида в группе.

Таким образом, необходимым и эффективным условием углубленного изучения исторической памяти как объекта исследования разных наук должен служить принцип междисциплинарности. Как пишет Г. Джилардони, среди вариантов интеграции в качестве одного из наиболее перспективных рекомендовал себя тот, который осуществляется между социологией и историей. Он открывает новые горизонты исследования и предполагает многообещающие эвристические возможности. Бесспорно, и социология, и история обладают сформировавшимися эпистемологическими основаниями и, следовательно, четко очерченным предметным полем исследования. Их интеграция на уровне гносеологии и методологии, отмечает ученый, может служить «...делу создания “прибавочной стоимости”, способствуя лучшему пониманию одного и того же предмета исследования. Действительно, с того момента, как между настоящим и прошлым выявлена неразрывная связь, с точки зрения социологического исследования очень трудно, не зная прошлого, понять настоящее и предсказать будущее» [41, с. 117].

Междисциплинарный подход обеспечивает возможность рассмотрения исторической памяти как сложного, динамично развивающегося социального явления, отражающего всю совокупность социальных связей, которые обеспечивают историко-культурную преемственность общества и наследование накопленного им опыта.

О некоторых направлениях социологического исследования исторической памяти

Социологический анализ современного состояния исторической памяти как сложного и многогранного общественно-политического и социально-культурного явления позволяет выделить ряд актуальных задач и исследовательских направлений, наметившихся в последние годы.

Прежде всего речь идет об изучении качества исторического образования и воспитания населения. Эта задача позволяет выяснить, в какой степени и каким образом функционирующие в обществе институты и учреждения системы образования, культуры, религии и церкви, а также СМИ влияют на формирование исторической памяти. Данные институты и учреждения способствуют передаче от поколения к поколению научно обоснованных исторических знаний, фундаментальных истин и ценностей.

Важным направлением исследования служит определение роли исторической памяти в нормативной регуляции поведения различных категорий населения. Предметом социологического исследования является социальная значимость исторических традиций, обычаев, ритуалов, их влияние на повсед-

невную жизнь людей и на их отношение к нормам и предписаниям. Содержанием целенаправленной системной работы по формированию национальной и гражданской идентичности должно выступать возвращение в массовое сознание исторических образов и символов, позволяющих создавать представление о национальной истории как о целостном процессе, в котором современный человек находит обоснование и оправдание собственному существованию как личности и как гражданина.

Особую практическую значимость имеет исследование ключевых ценностей, идей и верований, на базе которых формируются ценностные ориентации личности и которые определяют субъективное отношение людей к официальным государственным символам, историческим личностям, прошлому, настоящему и будущему своей страны и своего народа.

Особый исследовательский интерес вызывает оценочное и нормативно-ценностное содержание исторической памяти, которое аккумулирует опыт жизнедеятельности предшествующих поколений, отношение населения к событиям современной жизни и целям общественного развития. Эмпирическое

социологическое исследование исторической памяти позволяет выявить общие ценности, представления, идеи, верования с помощью количественных и качественных методов сбора и анализа информации (массовых опросов, опросов фокус-групп, наблюдения, изучения документов, контент-анализа публикаций СМИ и др.).

Серьезной исследовательской задачей выступает кардинальный пересмотр места и роли отдельных государств и иных субъектов политики в активно разворачивающемся мемориальном противостоянии, начало которому было положено распадом колониальной системы, СССР и Организации Варшавского договора, а также современными трансформационными процессами. Особый интерес и несомненную практическую значимость имеет изучение опыта работы с прошлым в республиках бывшего СССР и странах бывшего социалистического лагеря. Предметное поле исследований в данном случае составляют вопросы культуры памяти, исторической политики, их влияния на самые разные стороны жизни современного общества, на учебный и воспитатель-

ный процессы в учреждениях образования. Особую актуальность приобретает проблема синхронности исторической политики в Беларуси и России.

Обеспечение межпоколенческой трансляции и сохранения исторической памяти является одной из сложнейших интеллектуальных и практических задач. Принципиально важным аспектом ее реализации выступает сохранение исторической памяти о героических и трагических событиях прошлого, о Великой Отечественной войне в сознании подрастающих поколений. Актуализация данной задачи во многом обусловлена тем, что в последние десятилетия механизмы формирования исторической памяти о войне претерпевают значительные изменения: постепенно исчезает межличностная коммуникация как первостепенный фактор сохранения живой памяти, меняется роль СМИ, учреждений культуры и образования в обеспечении преемственности поколений, утрачивается доверие к авторитету родителей, а также учителей. Самого пристального внимания требует изучение роли семьи как института формирования и трансляции исторической памяти молодежи.

Заключение

Обращение к прошлому и его периодическая актуализация в процессе поступательного исторического развития являются признаками и одновременно необходимыми условиями здорового воспроизводства общества. Позитивный образ прошлого способен оказать значительное стимулирующее воздействие на формирование жизненных стратегий различных социальных групп населения, в первую очередь молодого поколения.

Историческая память представляет собой важный и методологически сложный духовно-практический феномен современной общественной жизни, объективный анализ которого предполагает учет всех условий и факторов его функционирования и развития. Будучи коллективным достоянием, историческая память непосредственно участвует в конструировании современной идентичности со-

циума, влияет на формирование желаемого образа будущего, обеспечивает возможность реализации общих социально-политических и социально-культурных практик и стратегий современности в контексте изучения и использования накопленного опыта.

Научное исследование исторической памяти, ее содержания, источников, механизмов, социально-демографических и региональных особенностей позволяет глубже понимать современную социальную реальность, принимать взвешенные и обоснованные управленческие решения, направленные на формирование национального самосознания, политической культуры, патриотических ценностей населения Беларуси, обеспечивая возможность планирования и прогнозирования процессов общественного развития.

Библиографические ссылки

1. Платон. *Собрание сочинений. Том 2.* Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы; Соловьев В, Соловьев МС, Штейнман-Топштейн СЯ, переводчики. Москва: Мысль; 1993. Тезет; с. 251–261.
2. Аристотель. *Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти.* Альмова ЕВ, переводчик. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2004. 183 с.
3. Плотин. Об ощущении и памяти. *Вопросы философии.* 2004;7:170–173.
4. Бэкон Ф. *Сочинения. Том 1.* Субботина АЛ, составитель. Москва: Мысль; 1977–1978. О достоинстве и приумножении наук; с. 567–577.
5. Гегель ГВФ. *Энциклопедия философских наук. Том 3.* Ситковский ЕП, редактор. Москва: Мысль; 1977. Философия духа; с. 471–474.
6. Ницше Ф. *Сочинения. Том 1.* Свасьян КА, редактор и составитель; Берман Я, Рачинский ГА, Свасьян КА, Франк СЛ, переводчики. Москва: Мысль; 1990. О пользе и вреде истории для жизни; с. 158–230.
7. Бергсон А. *Собрание сочинений. Том 2.* Москва: Московский клуб; 1992. Материя и память; с. 190–256.
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас.* 2005;2:8–27.
9. Warburg A, Rampley M. The absorption of the expressive values of the past trans. *Art in Translation.* 2009;1:273–283. DOI: 10.2752/175613109X462708.

10. Бартлетт Ф. Человек запоминает. *Psychology OnLine.Net* [Интернет]. 2003 [процитировано 31 августа 2023 г.]. Доступно по: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-352.html>.
11. Ассман Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Сокольская ММ, переводчик. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 368 с.
12. Адорно Т. *Негативная диалектика*. Петренко ЕЛ, переводчик. Москва: АСТ; 2014. 511 с.
13. Нора П. Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*. 2005;2:40–41
14. Ерушалми ЙХ. *Захор. Еврейская история и еврейская память*. Нудельман Р, переводчик. Москва: Мосты культуры; 2004. 167 с.
15. Ле Гофф Ж. *История и память*. Акопян КЗ, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2013. 303 с.
16. Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? *STUDYLIB* [Internet]. 2007 [cited 2023 August 31]. Available from: <https://studylib.net/doc/18115751/are-there-256-different-kinds-of-memory%3F?ysclid=lm7o9y6pi630485410>.
17. Рягузова ЕВ. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик. *Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2019;19(1):61–68. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68.
18. Лихачев ДС. *Критика и время*. Утехин НП, составитель. Ленинград: Лениздат; 1984. 334 с.
19. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Гофман АБ, переводчик и составитель. Москва: Канон; 1995. Представления индивидуальные и представления коллективные; с. 208–243
20. Выготский ЛС, Лурия АР. *Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок*. Москва: Педагогика-пресс; 1993. 224 с.
21. Гипперейтер ЮБ, Романова ВЯ, редакторы. *Психология памяти*. Москва: ЧеРо; 1998. 816 с.
22. Репина ЛП. *Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки)*. WP6/2003/07 (пре-принт). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2003. 44 с.
23. Тощенко ЖТ. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*. 2000;4:3–14.
24. Бойков ВЭ. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования. *Социология власти*. 2011;5:44–52.
25. Кулиш ВВ. *Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России: по материалам социологических исследований в Алтайском крае [диссертация]*. Барнаул: Алтайский государственный университет; 2011. 178 с.
26. Бойков ВЭ. Состояние и проблемы формирования исторической памяти. *Социологические исследования*. 2002; 8:85–89.
27. Лашук ИВ. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия. *Социологический альманах*. 2015;6:210–220.
28. Котляров ИВ. Историческая память как важнейший фактор цивилизационного кода (социологический дискурс). *Доклады Национальной академии наук Беларуси*. 2018;62(3):364–373. DOI: 10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373.
29. Ростовская ОМ. Историческая память: проблема образа. *Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова»*. 2011; 12:152–157.
30. Бабосов ЕМ. Роль этнонациональной идентичности в формировании исторической памяти и консолидации белорусского общества. В: Коршунов ГП, редактор. *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: ООО «СУГАРТ»; 2019. с. 10–14.
31. Гуссерль Э. *Собрание сочинений. Том 1*. Молчанов В, переводчик. Москва: Гнозис; 1994. 164 с.
32. Леви-Стросс К. *Структурная антропология*. Иванов ВячВс, редактор и переводчик. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1983. 536 с.
33. Дейк ТА. *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Кожемякин ЕА, Переверзев ЕВ, Амагов АМ, переводчики. Москва: Либроком; 2013. 344 с.
34. Шуман Г, Скотт Ж. Коллективная память поколений. *Социологические исследования*. 1992;2:47–60.
35. Репина ЛП. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв*. Москва: Кругъ; 2011. 560 с.
36. Тош Д. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. Москва: Весь мир; 2000. 296 с.
37. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность. В: Репина ЛП, редактор. *Цепь времен: проблемы исторического сознания*. Москва: Институт всеобщей истории Российской академии наук; 2005. с. 45–50.
38. Колеватов ВА. *Социальная память и понимание*. Москва: Мысль; 1984. 190 с.
39. Илизаров БС. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти). *Вопросы философии*. 1985;8:60–69.
40. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
41. Джилардони Г. Размышления о пользе интеграции социологии и истории. Коломиец ВК, переводчик. *Социологические исследования*. 2012;11:116–123.

References

1. Plato. *Sobranie sochinenij. Tom 2* [Collected works. Volume 2]. Losev AF, Asmus VF, Taho-Godi AA, editors; Solov'ev V, Solov'ev MS, Shtejnman-Topshhtejn SJa, translators. Moscow: Mysl'; 1993. [Theaetetus]; p. 251–261. Russian.
2. Aristotle. *Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamjati* [Protreptic. On sensory perception. About memory]. Al'mova EV, translator. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2004. 183 p. Russian.
3. Plotinous [About sensation and memory]. *Voprosy filosofii*. 2004;7:170–173. Russian.
4. Bacon F. *Sochineniya. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Subbotina AL, compiler. Moscow: Mysl'; 1977–1978. [On the dignity and multiplication of sciences]; p. 567–577. Russian.

5. Hegel GWF. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. Tom 3* [Encyclopedia of philosophical sciences. Volume 3]. Sitkovsky EP, editor. Moscow: Mysl'; 1977. [Philosophy of spirit]; p. 471–474. Russian.
6. Nietzsche F. *Sochineniya. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Svas'yan KA, editor and compiler; Berman Ya, Rachinsky GA, Svas'yan KA, Frank SL, translators. Moscow: Mysl'; 1990. [On the benefits and harms of history for life]; p. 158–230. Russian.
7. Bergson A. *Sobranie sochinenij. Tom 2* [Collected works. Volume 2]. Moscow: Moskovskii klub; 1992. [Matter and memory]; p. 190–256. Russian.
8. Halbwachs M. Collective and historical memory. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005;2:8–27. Russian.
9. Warburg A, Rampley M. The absorption of the expressive values of the past trans. *Art in Translation*. 2009;1:273–283. DOI: 10.2752/175613109X462708.
10. Bartlett F. [Human remembers]. *Psychology OnLine.Net* [Internet]. 2003 [cited 2023 August 31]. Available from: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-352.html>. Russian.
11. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Sokol'skaya MM, translator. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 368 p. Russian.
12. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Petrenko EL, translator. Moscow: AST; 2014. 511 p. Russian.
13. Nora P. [World celebration of memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005;2:40–41. Russian.
14. Erushalmi IKh. *Zahor. Evreiskaya istoriya i evreiskaya pamyat'* [Jewish history and Jewish memory]. Nudel'man R, translator. Moscow: Mosty kul'tury; 2004. 167 p. Russian.
15. Le Goff J. *Istoriya i pamyat'* [History and memory]. Akopyan KZ, translator. Moscow: ROSSPEN; 2013. 303 p. Russian.
16. Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? *STUDYLIB* [Internet]. 2007 [cited 2023 August 31]. Available from: <https://studylib.net/doc/18115751/are-there-256-different-kinds-of-memory%3F?ysclid=lm7o9y6pi630485410>.
17. Ryaguzova EV. Memory of the Other or other memory: socio-psychological analysis of commemorative practices. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2019;19(1):61–68. Russian. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68.
18. Likhachev DS. *Kritika i vremya* [Criticism and time]. Utekhin NP, compiler. Leningrad: Lenizdat; 1984. 334 p. Russian.
19. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Gofman AB, translator and compiler. Moscow: Canon; 1995. [Representations individual and representations collective]; p. 208–243. Russian.
20. Vygotskij LS, Lurija AR. *Jetjudy po istorii povedeniya. Obez'jana. Primitiv. Rebenok* [Studies on the history of behaviour. A monkey. Primitive. Kid]. Moscow: Pedagogika-press; 1993. 224 p. Russian.
21. Gipperejter JuB, Romanova VJa, editors. *Psihologija pamjati* [Psychology of memory]. Moscow: CheRo; 1998. 816 p. Russian.
22. Repina LP. *Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriipisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historical writing (historiographic notes)]. WP6/2003/07 (preprint). Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2003. 44 p. Russian.
23. Toshchenko ZhT. [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaja i novejsnjaja istorija*. 2000;4:3–14. Russian.
24. Boikov VE. Historical memory in modern Russian society: state and problems of formation. *Sociologija vlasti*. 2011; 5:44–52. Russian.
25. Kulish VV. *Funkcionirovanie istoricheskoi pamjati v zhiznennom samoopredelenii vypusknikov shkol sovremennoj Rossii: po materialam sociologicheskikh issledovanij v Altajskom krae* [The functioning of historical memory in the life self-determination of graduates of schools in modern Russia: based on the materials of sociological research in the Altai territory] [dissertation]. Barnaul: Altai State University; 2011. 178 p. Russian.
26. Boikov VE. [The state and problems of the formation of historical memory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002;8: 85–89. Russian.
27. Lashuk IV. The social component of the historical memory of the Great Patriotic War in the public consciousness of the inhabitants of Belarus: generational differences. *Sociologicheskij al'manah*. 2015;6:210–220. Russian.
28. Kotlyarov IV. Historical memory as the most important factor of the civilizational code (sociological discourse). *Doklady of the National Academy of Sciences of Belarus*. 2018;62(3):364–373. Russian. DOI: 10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373.
29. Rostovskaya OM. Historical memory: the problem of an image. *Uchenye zapiski UO «VGU imeni P. M. Masherova»*. 2011; 12:152–157. Russian.
30. Babosov EM. [The role of ethnonational identity in the formation of historical memory and consolidation of Belarusian society]. In: Korshunov GP, editor. *Istoricheskaja pamjat' o Belarusi kak faktor konsolidacii obshchestva: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii; 26–27 sentjabrja 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society: materials of the International Scientific and Practical Conference; 2019 September 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: OOO «SUGART»; 2019. p. 10–14. Russian.
31. Husserl E. *Sobranie sochinenij. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Molchanov V, translator. Moscow: Gnozis; 1994. 164 p. Russian.
32. Levi-Strauss K. *Strukturnaja antropologija* [Structural anthropology]. Ivanov VjachVs, editor and translator. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury; 1983. 536 p. Russian.
33. Dake TA. *Diskurs i vlast'. Rerezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. Kozhemjakin EA, Pereverzev EV, Amatov AM, translators. Moscow: Librocom; 2013. 344 p. Russian.
34. Schumann G, Scott J. [Collective memory of generations]. *Sociological studies*. 1992;2:47–60. Russian.
35. Repina LP. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical science at the turn of the 20th–21st centuries]. Moscow: Krug; 2011. 560 p. Russian.
36. Tosh D. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [Striving for the truth. How to become a historian]. Moscow: Ves' mir; 2000. 296 p. Russian.

37. Ryzen J. [Crisis, trauma and identity]. In: Repina LP, editor. *Сеп' vremen: problemy istoricheskogo soznaniya* [Chain of times: problems of historical consciousness]. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; 2005. p. 45–50. Russian.

38. Kolevatov VA. *Social'naja pamjat' i ponimanie* [Social memory and understanding]. Moscow: Mysl'; 1984. 190 p. Russian.

39. Ilizarov BS. [The role of retrospective social information in the formation of social consciousness (in the light of ideas about social memory)]. *Voprosy filosofii*. 1985;8:60–69. Russian.

40. Berger, PL, Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York: Anchor Books; 1966. 240 p.

Russian edition: Berger P, Luckman T. *Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya*. Rutkevich ED, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p.

41. Gilardoni G. [Reflections on the benefits of integrating sociology and history]. Kolomic VK, translator. *Sociologicheskie issledovanija*. 2012;11:116–123. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.09.2023.
Received by editorial board 05.09.2023.